

Иннокентий Анненский

Умиравший Тургенев

Иннокентий Фёдорович Анненский

Умиравший Тургенев

Серия «Книга отражений», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2824655

Аннотация

«– Мне стоит назвать это имя, – и туман, который там, за мною, непременно хоть на минуту да посветлеет и расступится... Чаще всего вспомню я тогда теплое, почти нежное утро, но будто это уже осенью, – а я стою на черном и мягком скате Обводного канала... Вот и темная рогатая голова... это бойня, это ее страшный символ неизбежности и равнодушия, схваченного за горло. Редкий дым лениво ползет из высокой трубы...»

Содержание

Список сокращений

23

Иннокентий Федорович Анненский Умиравший Тургенев Клара Милич

– Мне стоит назвать это имя, – и туман, который там, за мною, непременно хоть на минуту да посветлеет и расступится... Чаще всего вспомню я тогда теплое, почти нежное утро, но будто это уже осенью, – а я стою на черном и мягком скате Обводного канала... Вот и темная рогатая голова... это бойня¹, это ее страшный символ неизбежности и равнодушия, схваченного за горло. Редкий дым лениво ползет из высокой трубы... Вот на дымящейся глади канала у самого берега приткнулась барка... Только я не один... нас целая толпа... странная толпа, чисто русская, – зараз и неловкая, и приподнятая, и как бы готовая каждую минуту пострадать. И как у нас тихо... Только и развлечения, что лошади; фыркают у жандармов да шнырят возле какие-то репортеры с карандашиками; между ними затесался какой-то болезненно-бледный малый, который подвязал себе уши пестрым платком, а сам без шапки и продает венки из бумажных иммортелей и неестественно зеленого моха. Вот и еще

---

¹ ...это бойня... – Бойня в Петербурге была на углу Обводного канала.

какие-то суетливые люди – чуть ли не с бантами даже, точно в клубе: они строят нас в линию, одних выравнивая, другим в чем-то горестно отказывая, – и вот уже далеко-далеко, по-ди что на целую версту, завяляли ленты, и все попарно: белая и черная, черная и белая, вот засверкали золотом литеры, серебром венки, а кое-где какими-то шершавыми пятнами глупо залоснились по толпе и неумело надетые цилиндры, прямо из нафталина... Чувства... восторга-то, и, несмотря на это, – даже через 20 лет все еще только скучно: «От глубоко потрясенных...» «Великому...» «Подвижнику...» «Певцу...» – певцу с сукровицей на атласной подушке гроба!.. Ветер завернул ленту... что это там? От читателей или почитателей?.. Нет, – от артели... и чуть ли не сыроваров даже... А вот и гроб. Его тащат вспотевшие люди без шапок и с рыжими тоже вспотевшими воротниками, а другие возле месят калошами грязь и хрипло поют «Свя-атый бо-оже...» Чу... где-то совсем близко свистнул поезд... А мужики на барках, положив ложки, встали и крестятся, и извозчики, стоя на козлах карет, тоже крестятся, – и в шапках у них видны пропотевшие красные платки.

* * *

22 года тому назад² все это было для меня чем-то вро-

---

² 22 года тому назад... – Тургенев умер в Буживале 22. VI II 1883 г. Похоронен на Волковом кладбище в Петербурге 27. IX. Похоронная процессия проходила

де сна или декорации... Я, видите ли, тогда проводил время еще на площади и каждую минуту готов был забыть, что нахожусь хотя и в хвосте, но все же перед театральной кассой, откуда в свое время и получу билет. Но теперь, когда поредело передо мной, а зато позади толпа так и кишит, да только вернуться-то туда я уже не могу, – теперь, когда незаметно для самого себя я продвинулся с площади в темноватый вестибюль театра и тусклый день желто смотрит на меня уже сквозь его пыльные стекла, – когда временами, через плечо соседа, я вижу даже самое окошечко кассы... О, теперь я отлично понимаю ту связь, которая раз навсегда сцепила в моей памяти похороны Тургенева с его последней повестью.

Тургенев написал «Клару Милич» в Буживале в октябре 1882 г.³, а меньше чем через год после этого ученый ботаник⁴ в распушенных сединах говорил над его могилой речь о давно погасших звездах; и слова его падали старчески-медленно, а рядом также медленно падали с дрожащих веток желтые листья.

Вот и в то утро, когда Тургенев дописывал свою «Клару Милич», – в окно, верно, смотрела осень, южная, может быть

по Обводному каналу, упоминаемому Анненским.

³ ...в октябре 7682 г... – Тургенев закончил повесть в начале сентября 1882 г. В «Вестнике Европы» (1883, э 1) повесть напечатана с пометкой: «Буживаль. Октябрь. 1882».

⁴ ... ученый ботаник... – Одну из речей над могилой Тургенева на литературских мостках Волкова кладбища произнес А. Н. Бекетов (1825–1902) – ректор Петербургского университета, ботаник.

золотая, но все же осень, и притом последняя, – и он это чувствовал. – В цветах, но уже осужденная; еще обаятельная, но уже без зноя... Еще не смерть, но уже мечта, которая о ней знает и которую она застит, – эта осень и была его последней повестью: то серой, то розовой, еще старательно-четкой и в мягких, но уже застывших контурах.

С Кларой Милич в музыку тургеневского творчества вошла, уже не надолго, новая и какая-то звенящая нота. Это была нота физического страдания. «Все мешается кругом-и среди крутящейся мглы Аратов видит Клару в театральном костюме: она подносит склянку к губам, слышатся отдаленные „браво! браво!“ – и чей-то грубый голос кричит Аратову на ухо: „А ты думал, это все комедией кончится? Нет, это трагедия, трагедия!“»⁵.

Вот новый для Тургенева, реальный сон: уже не действительность, похожая на сон, как было раньше, – а сон, в который пробивается действительность. Испытывали ли вы когда-нибудь во сне это наступление лихорадки, когда она именно что-то кричит вам на ухо; когда крик этот болезненно пробегает по вашему телу и вы переходите к впечатлениям окружающего под угрозу болезни, этой убедительнейшей из реальностей?

Или такое начало сна:

«Хорошо, теперь хорошо, а быть худу...» «Чудесные красные яблоки... синее гладкое озеро... лодочка золотая: угод-

---

⁵ Нет, это трагедия, трагедия! – Не совсем точная цитата (8, с. 343).

но прокатиться?»⁶ О, кто не знал вас, сны заболевания, предвестники пароксизма?

А эти маленькие красные розы⁷? – именно маленькие, потому что они попадают на прическу призрачной Клары с миниатюры, или те, другие, зовущие, мистически-прекрасные, которые тают с тревогой сна, чтобы стать нелепейшим бантом на чепце тети Платоши?..

Или: «И вот почудилось: кто-то шепчет ему на ухо... „Стук сердца, шелест крови“, – подумал он. Кто-то говорил по-русски, торопливо, жалобно и невнятно».

Эти новые черточки тургеневского реализма... кто же их внес в «Клару Милич»? О, нет, это был не зоркий охотник, и не чуткий собеседник, и не рассказчик, которому иногда в импровизированной смене собственных слов открывается намек на запечатленную сущность явления или новая перспектива, – это был даже не одинокий холостяк, перебирающий у камина желтую тетрадь, – их внес в повесть Тургенева больной, который уже свыкся со своей бессменной болью и если и не может переносить этого ужаса, как героиня «Живых мощей»⁸, чуть-что не с благодарностью, – зато спо-

---

⁶ *угодно прокатиться?* – Контаминированная цитата из повести «Клара Милич» (8, с. 343).

⁷ *А эти маленькие красные розы?* – У Тургенева: «Аратов всматривается... Клара!.. На голове у ней веноч из красных роз... Он весь всколыхнулся, приподнялся... Перед ним стоит его тетка, в ночном чепце с большим красным бантом и в белой кофте» (8, с. 337–338).

⁸ *...героиня «Живых мощей»...* – Лукерья из рассказа Тургенева в «Записках

собен оживить их интересом художника, а порой даже юмором терпеливой старости.

«Еще немного⁹, – пишет Тургенев, – и я даже сам не буду желать выходить из этой неподвижности, которая не мешает мне ни работать, ни спать и т. д.»

«Но, повторяю, я нисколько не унываю. Пока я не отказался от всякой надежды, было хуже, а теперь ничего. Мне 64 года, пожил в свое удовольствие, а теперь надо и честь знать. И работать теперь могу, – именно с тех пор, как я бросил всякие думы о будущем»¹⁰.

Вы скажете, может быть, что застылость контуров повести подсказана мне именно этим письмом... Вы скажете, что, наоборот, действие в «Кларе Милич» движется, что темная страсть Аратова нарастает, что здесь целая трагедия, потому что Аратов борется, перед тем как он гибнет. О нет, это один мираж. Растет не страсть, а недуг; если же развивается драма, то разве та единственная, которую можно понять, не отрываясь от подушки, и пережить, не шевелясь от боли, – драма умирания. Самое действие повести как-то неохотно

охотника» (1847–1874).

⁹ *Еще немного...* – Цитата из письма Тургенева к Л. Б. Бертенсону 27.X (7.XI) 1882 г. (Первое собр. писем И. С. Тургенева 1840–1883 гг. СПб., 1884, с. 506). Бертенсон Лев Бернардович (1850–1929) – лейб-медик, общественный деятель. Был домашним врачом семьи Я. П. Полонского; его советами пользовался и Тургенев.

¹⁰ *Но, повторяю...* – Цитата из письма Тургенева к Л. Б. Бертенсону 22.XII 1882 г. (3.1 1883 г.).

удаляется от комнат аратовского дома, где неслышными шагами, как тень, движется только тетя Платоша, одетая в серое платье и серую шаль. Вы думаете, может быть, что Тургенев хотел изобразить нам в этом доме и в этой жизни что-нибудь таинственное, как любил он делать это раньше... Ничуть! Аратов писал только прозой, да и вообще едва ли он много писал. В доме любили только проверку, знание, достижение. Самая жизнь привыкла сливаться там с движением часовой стрелки, – молча, без отдыха, но и без волнения, может быть, и без цели также... Отец Аратова был «инсекто-наблюдатель», кропотливый исследователь, которому лишь робкое уклонение от общества создало славу чернокнижника и который умер с тем же звуком удивления на губах, с каким неизменно относился и к жизни. Сам Яков Аратов стыдился своих призраков еще больше, кажется, чем мечтаний, и занимался самым прозаичным делом в мире – живописью для фотографических целей. Но чем же жил Аратов? Он жил работой и еще боязнью казаться... Его чистота? Но, рождаясь из бедного воображения и холодной крови, эта чистота едва ли дорого ему стоила. Может быть, чувством красоты?.. Т. е. Гюльнарками кипсека¹¹. Но ведь чувство красоты в его годы это больше всего желание обладать, – а у Аратова оно как-то сразу же застыло в суждение, в оценку – в эстетический вкус. Все, что волнует, стало для него нечисто или беспорядочно, – нет, не надо, прочь эту красоту!.. Липового чаю

---

¹¹ кипсек (*англ.*) – печатное издание рисунков с текстом.

что ли выпить?.. Призраки?.. Но Аратов их разоблачает, он вышучивает их, – он даже готов омерзить себе все, что не согласно с действительностью, все, что манит и обещает счастье...

Щекочущее сожаление? Слезы?.. О, нет, только не слезы... Он боится слез... боится не как сибарит и не как спартанец, – а как чертежник, из опасения закапать картон... Аратову только 25 лет, но если он был когда-нибудь молод, так это было разве 40 лет тому назад. Аратов даже окружен анахронизмами. Автор «Нови»¹² дает ему в друзья Купфера. С виду это такой живой и восторженный юноша, – а на деле ведь это же – тень, это-студент 40-х годов, которого забыли похоронить... Послушайте, он бредит Виардо и Рашелью¹³... Да его хоть сейчас в кружок к Рудину, этого Купфера. И что же общего у него с концом 70-х годов, когда заставил его жить Тургенев. Неужто Купфер читал брошюру Драгоманова¹⁴ и переживал вместе с нами «Четыре дня» Гаршина¹⁵? Неужто это для него тонкая улыбка Глеба Успенского

---

¹² «Новь» (1877) – роман Тургенева.

¹³ Виардо-Гарсиа Полина (1821–1910) – певица, педагог и композитор. Близкий друг Тургенева. Рашель Элиза (1821–1858) – знаменитая французская трагическая актриса. Наибольшей известностью пользовались в 40-е годы.

¹⁴ Драгоманов Михаил Петрович (1841–1895) – украинский историк, фольклорист, критик, публицист, общественный деятель. Анненский, вероятно, имеет в виду не какую-то конкретную брошюру Драгоманова, а его брошюры как характерное чтение студента конца 70-х годов XIX в.

¹⁵ ...«Четыре дня» Гаршина – рассказ В. М. Гаршина «Четыре дня» (1877).

так скорбно осветила весь романтизм старых народников?.. Сам Аратов так и остался жить в той же комнате, где умер его отец; он даже спит на той же самой кровати, откуда отца переложили на стол. А что он читает в 1878 г.? «Сен-Ронанские тайны» Вальтер Скотта¹⁶ и бредит стихами Красова¹⁷, которого 40-е годы и то застали немолодым. А его английский кипсек? Да ведь это же кипсек 20-х годов. Бредит Гюльнардами и Медорами, когда нас, тогдашних студентов, отравили уже и Эдгар По и его французский переводчик¹⁸... Металлические порошки Парацельса¹⁹ сделали, однако, свое дело, они создали чуткость и боязнь жизни в этом хрупком теле, до которого жизнь смела касаться только руками тети Платоши, мягкими, как вата. В Аратове расположился старый больной Тургенев, который инстинктивно боится наплыва жизни; боится, чтобы она своим солнцем и га-

---

¹⁶ *«Сен-Ронанские тайны» Вальтер Скотта*... – роман Вальтер Скотта «Сент-Ронанские воды» (1824).

¹⁷ Красов Василий Иванович (1810–1854) – поэт-лирик.

¹⁸ *Бредит Гюльнардами и Медорами... Эдгар По и его французский переводчик*... – Анненский, очевидно, имеет в виду фотографии балерин, исполнявших роли Гюльнары и Медоры в балете «Корсар». Этими фотографиями были заполнены страницы кипсеков. По Эдгар Аллан (1809–1849) – американский писатель. Некоторые черты творчества По предвосхитили декадентскую литературу. Французский переводчик По-Шарль Бодлер (1821–1867).

¹⁹ Парацельс (Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм; 1493–1541) – врач эпохи Возрождения, «первый профессор химии от сотворения мира» (А. И. Герцен). Парацельс ввел в медицинский обиход окислы металлов как медицинские средства.

мом не потребовала от него движений; больной, который решил ни на что более не надеяться и ничего не любить – лишь бы можно было работать. Последние силы Аратова-Тургенева уходят на разрушение иллюзий, чтобы существование стало более серым, менее заметным, а, главное, проходило медленнее. Обстоятельства, сопровождавшие смерть Клары, сначала произвели на Аратова потрясающее впечатление... но потом эта игра «с ядом внутри», как выразился Купфер, показалась ему какой-то уродливой фразой, бравадой, и он уже старался не думать об этом, боясь возбудить в себе чувство, похожее на отвращение. Но это отвращение и боязнь почувствовать отвращение едва ли принадлежат Аратову: по-моему, это – горький вкус болезни во рту у Тургенева, это его утомленный ум, который не хочет более тешить себя романтизмом, потому что сквозь его театральную мантию не может не видеть тела, обреченного разлагающей его животной муке.

* * *

Если искать параллелей, то Яков Аратов представляется мне чем-то вроде Фауста, только забывшего помолодеть: он испугался черта больше даже, чем яда, и убежал к тете Платоше играть с нею в ее жарко натопленной горенке в свои козыри, но не сообразил при этом, что соблазнитель все равно, когда ему вздумается, утащит его крючьями; куда ирония

Мефистофеля придала старой душе Аратова-Фауста невинность швабского поэта²⁰, а ее оболочке – тонкие льняные волосы и нежные мелкие черты, как у девицы. Или, может быть, Аратов не Фауст, а Ипполит без Артемиды, Ипполит не герой, а только жертва, и даже не та искупительная жертва, которую жгут на костре, чтобы ее дыму – душе – улыбались боги, а та, которая попадает в огонь случайно или, скорей, инстинктивно, втянутая туда неотразимым блеском огня, и сгорает дотла на костре неудобно богам и ненужною даже самому огню. Или, наконец. Аратов это – Ромео, которому Джульетта передала в поцелуе моровую язву... Тургенев хотел уверить нас, что Аратов боролся с *любовью* и что эта любовь в конце концов его одолела и заставила себя испытать. Но что-то мешает нам ему поверить. Нет, это не та сладкая мука, которая только похожа на болезнь и от кото-

---

²⁰ ...ирония Мефистофеля придала старой душе Аратова-Фауста невинность швабского поэта... – Возможно, имеется в виду Уланд Людвиг (1787–1862) – немецкий поэт-романтик. «Швабским поэтом» называл Уланда Гейне. Не исключено, что именно к высказываниям Гейне об Уланде восходит аллюзия Анненского. Так, Гейне пишет: «Эти люди уверяют, будто бы они открыли, что Уланд никогда не мог вполне слиться со своей темой, что наивные, ужасающе энергические звуки средних веков он не передает с идеализирующей правдой <...>, что он, так сказать, варит всмятку в своей душе мощные звуки героического предания и народной песни... И действительно, если взглянуть поближе на женщин Уланда, то это не больше как прекрасные тени, как облеченный в плоть свет луны, с молоком в жилах, а в глазах с сладкими слезами, т. е. слезами без соли. Если сравнить рыцарей Уланда с рыцарями старинных песен, то кажется, что они все состоят из одних только жестяных лат, наполненных цветами вместо костей и мяса» (Гейне Генрих. Полн. собр. соч. – В 6-ти т. СПб., 1904, т. 3, с. 379).

рой излечивают поцелуи, это не та болезнь, которая прививается юноше, как оспа ребенку, не та, которую Платон заставлял струиться с прекрасных плеч юноши и из его глаз в раненное ими сердце²¹, – а та, которая в сырой вечер подкарауливает старость, с распухшими ногами и в бархатных сапогах, и любит вместе с нею часами смотреть на цветы обоев и клетки байкового одеяла.

Аратов выносит ряд опустошений в душе и кончается. Именно кончается. Смерти нет. Не так нет смерти, как для толстовского Ивана Ильича, а нет потому, что на нее не хочет смотреть Тургенев... В руке Аратова оказалась зажатой прядка черных волос... но был ли то залог бессмертия, или чья-то насмешка, мистификация?.. Как знать? Я не думаю, чтобы Тургенев, несмотря на свою склонность к мистицизму даже, верил в бессмертие, – очень уж он старался в нем уверять других, не себя ли? «Смерть, где жало твое?»²²... «И

---

²¹ ...Платон заставлял струиться... из его глаз в раненное ими сердце... – Анненский, по-видимому, имеет в виду следующее место из диалога Платона «Федр»: «Как дуновение или звук, отраженные гладкой поверхностью, снова несутся туда откуда исходят, так и поток красоты снова возвращается в красавца через глаза, то есть тем путем, которым ему свойственно проникать в душу, теперь уже окрыленную, ибо он орошает проходы перьев, питает рост крыльев и наполняет любовью душу любимого» (Платон. Избранные диалоги. М., 1965, с. 221. «Федр» – перевод А. Егунова).

²² *Смерть, где жало твое?* – У Тургенева: «Тетья, что ты плачешь? – тому, что я умереть должен? Да разве ты не знаешь, что любовь сильнее смерти?.. Смерть! Смерть! Где жало твое?» (8, с. 350). Это изречение содержится в «Слове Иоанна Златоуста», читаемом во время пасхальной заутрени; взято из Библии (Книга пророка Осии, 13, 14).

мертвые будут жить»... «Любовь сильнее смерти»²³... Вот он – тот набор колесиков от карманных часов... А самих-то часов, т. е. жизни, все равно не вернешь... Недуг наметил жертву и взял ее... это несомненно. А с бессмертной-то любовью как же быть? Или она не нужна? Нужна-то нужна, но не более, чем аккуратному ученику возможность улечься спать спокойно в уверенности, что задача решена им правильно... Да, ответ тот же, что в «Евтушевском»²⁴: 24 аршина сукна... И только.

Было время, когда, читая «Клару Милич», я слышал музыке... Но игрушка сломана, и я не заметил даже, когда это произошло. Вот валик, вот молоточек... шпеньки... вот и ящик... Только я не сумею их сложить... да и незачем, все равно, – старой музыки не услышишь: слух не тот... Мы видели сейчас, что делало Аратова живым и реальным. Аратов – это наше изменившееся я, изменившееся, но от меня все же не отделимое, и которому, в сущности, ничего не нужно, кроме его: тик-так, тик-так... только бы подольше. А Клара? В ней тоже мое я, но здесь уже не реализм настоящего, т. е.

---

²³ *И мертвые будут жить.* – У Тургенева: «Разве не сказано в Библии: „Смерть, где жало твое?“ А у Шиллера: „И мертвые будут жить!“» (8, с. 334). Любовь сильнее смерти. – У Тургенева: «А один английский писатель сказал: „Любовь сильнее смерти!“» (8, с. 334). Изречение содержится в Библии: «Крепка как смерть любовь» (Книга Песни Песней Соломона, 8, 6). Анненский приводит все это как мертвые, утратившие свой первоначальный смысл формулы.

²⁴ Евтушевский Василий Андрианович (1836–1888) – русский методист-математик, автор сборников арифметических задач и методических работ.

жизни, сделавшей свое дело, а несомненность *жизни*, *которая была*, но в сопоставлении с настоящим кажется призраком. В действии Клары почти нет: она только скользит по рассказу, точно китайская тень по экрану. Если Аратов весь – будни, весь – скука фотографии, и даже от пальцев его пахнет иодом, – Клара ни разу не является нам будничной. Она поет... она любит... она убивает себя от любви, хотя и боится смерти... у Клары маленькие красные розы в волосах и коса, которая змеею обвивает ей руку... у нее даже слезы большие и светлые... О Кларе говорят с обожанием, она и снится только прекрасной, и она желанна даже, когда приносит смерть. И при всем том Клара несомненно была... Можно сомневаться в том, что есть, – но как уничтожить сознанием то, что оставило след в сердце... Передо мной – портрет Клары Милич, разве что чуть постарше тургеневской. Он снят в Киеве, и на нем изображена девушка сильного сложения с покатыми плечами, которые стянуты в атлас, кажется белый и, по-видимому, оперного костюма Жалко, что закрыты ее волосы, но постав головы на тонкой и царственной шее заставляет думать, что это именно они несколько оттягивают назад голову. Фантастическая эгретка в виде птицы спускается на ее низкий лоб, такой же неподвижный и «каменный», как у тургеневской героини. Брови, черные и почти сросшиеся прямой линией, идут над небольшими, как и у Клары, глазами, и я не видел глаз чернее – не желтее, как на испанских портретах, а именно чернее, – это глаза-зрачки, траги-

ческие и самоосужденные. Они небольшие, эти глаза, потому что точно вобраны внутрь сосредоточенным и страстным желанием, и упрямая воля, кажется, сблизила их лучи. Тонкие губы портрета вырезаны смело и красиво, овал лица не то еврейский, не то цыганский, и самое лицо также задумчиво и почти сурово, – все, как у тургеневской Клары. Актриса, изображенная на моем портрете, носила тоже поэтическое имя – Евлалия²⁵. Она сначала пела, потом перешла на драматическое амплуа, – и в тоске любовного разочарования, еще молодой, приняла фосфор в Харьковском театре после первого акта «Василисы Мелентьевой»²⁶. Это было в 1881 г., т. е. раньше появления в свет тургеневской повести.

То, что мы так неточно называем поэтическим образом, дает нам в Кларе различить три психологических момента, слитых обманчивой цельностью рассказа о жизни. Первый момент – это что-то вроде ощущения, по крайней мере, в нем преобладает ощущение; тоскливое, оно похоже на тот образ, который Аратов увидел в стереоскопе:

«Он так и вздрогнул, когда увидал сквозь стекло фигуру Клары, получившую подобие телесности. Но фигура эта была серая, словно запыленная... и к тому же глаза все смотре-

---

²⁵ Евлалия. – Речь идет о Евлалии Павловне Кадминой (1853–1881), талантливой провинциальной актрисе, послужившей прототипом героини Тургенева.

²⁶ «Василиса Мелентьева» (1867) – историческая пьеса А. Н. Островского (совместно с С. А. Геденовым).

ли в сторону, все как будто отворачивались. Он стал долго, долго глядеть на них, как бы ожидая, что вот они направятся в его сторону... он даже нарочно прищурился... но глаза оставались неподвижными, и вся фигура принимала вид какой-то куклы»²⁷.

Тоскливый осадок жизни, в которой было столько неосуществившихся возможностей, столько непонятных и брошенных задач, легкомысленно забытых обещаний, незамеченных движений перламутрового веера около розовых губ, – вот первый абрис Клары. Поистине человек – неблагодарнейшая из тварей... Чем полнее наливают ему кубок, тем горячее будет он верить, что там была лишь одна капля и та испарилась, едва успев освежить ему губы. Надо быть заправским неудачником, чтобы рано утомиться жизнью и сказать себе – не другим, а именно себе, тихо сказать: довольно. Тургенев провел счастливую жизнь – как Гете, он был и красив, и гениален, и любим, и сам умел любить, – и все же на 65 году жизни он создал Клару Милич, т. е. воспроизвел ощущение непознанного, только манившего и так дерзко отвергнутого; Тургенев был счастлив, – тем тоскливее должна была быть фотография Клары в стереоскопе. *Второй* момент образа Клары – это *желание*. Аратов это – я, но я не хочу быть собою, быть старым, страдающим, неподвижным и беспо-

---

²⁷ Он так и вздрогнул... и вся фигура принимала вид какой-то куклы. – Не совсем точная цитата (8, с. 333–334).

мошным, которого можно взять, но который сам никого уже не покорит и ничего не создаст. И вот Клара Милич должна быть не только полным, но и жгучим отрицанием Аратова, желанием и невозможностью не быть Аратовым – отсюда и эти черные глаза, и трагизм, для которого нет будней, и эта смерть, чтобы не познать будней и не видеть пальцев Аратова, окрашенных иодом; отсюда и эти светлые, большие слезы, и это полюблю – возьму, и черные усики на верхней губе. И она же, эта страстно отрицающая аратовщину девушка, она, смертельно оскорбленная Клара, осуждена любить Аратова, – мало этого, для нее на свете не должно быть ничего, кроме Аратова. Да и куда же, скажите, может уйти желание от сердца, пускай больного, пускай холодеющего, от этого изголовья, такого скучного, такого всеми оставленного? Для желания Аратов остается центром, душой мира – закройся эти глаза, перестань биться эти вены, и где же будут тогда и цветы, и звезды, кому нужны будут и бог и красота?.. Третий момент того ускользающего целого, которое существует для нас, может быть только благодаря имени, это символ, идея. Клара как символ это – трагизм красоты, которая хочет жизни и ждет воплощения. Вся жизнь Кати Миловидовой²⁸ была сплошной бессмыслицей, и именно в этом заключается ее трагизм. Натура пылкая и даровитая, душа, сотканная из противоречий, что составляет удел лишь избранных душ, – Катя родилась от союза иконописца-чиновника и сонливой

---

²⁸ Катя Миловидова – таково в повести настоящее имя Клары Милич.

бабы. Тургенев дал нам образ Аратова в анализированном, я бы сказал даже препарированном виде: вот черты, которые Аратов унаследовал от отца, вот и другие, полученные им от матери, а вот эти идут от предков; самое имя-Яков дано было ему не даром, а в честь Брюса²⁹... А кстати, не потому ли последний герой Тургенева был назван Яковом, что Тургенев особенно любил это имя (вспомните Яшку Турка, Якова Пасынкова и др.) и гордился своим отдаленным предком – Яковом Тургеневым³⁰? Вот оно, мол, когда еще мы, Тургеневы, были западниками и брили бороды предкам славянофилов... Но, разъяснив нам Аратова дарвинистически, Тургенев как бы нарочно оставил Клару феноменом, парадоксом. «И откуда у тебя этот чертенок черномазый?» Этот вопрос господина Миловидова остался без ответа... Но будем развивать далее эту цепь нелепостей. Кларин жених – гостинодворский херувим, да еще влюбленный. Клара в доме старой

---

²⁹ Брюс Яков (1670–1735) – русский государственный деятель, один из сподвижников Петра I. Занимался математикой, астрономией и естественными науками; прослыл чернокнижником.

³⁰ Тургенев Яков Гаврилович (родился до 1658) – предок И. С. Тургенева; стряпчий (1682), стольник (1688–1692), шут Петра I. В письме к П. Н. Полевому 17 (29) октября 1873 г. Тургенев писал, что из исторических лиц, принадлежащих к его фамилии, он дорожит «особенно двумя: тем Петром Т<ургеневым>, который обличил Лжедмитрия и за это обличение был в тот же день казнен на лобном месте в Москве – и тем шутом Петра Великого, Яковом Т<ургеневым>, которому пришлось в новый 1700-й год обрезать ножницами бороды бояр: он по-своему тоже служил делу просвещения» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. М. – Л.; «Наука», 1965, т. 10, с. 161).

содержанки, Клара под крылышком у набеленной княгини. Клара на провинциальных подмостках и с купеческим подношением – золотой чернильницей в руках... Клара стучится в дверь дома, где – она в этом уверена – ее давно ждут, потому что там и только там для нее все... Ей, наконец, отпирают, – но лишь холодом и плесенью пахнуло на нее оттуда. Человек в окне? Его не было... И вот Катя Миловидова умирает. И, только перестав быть жизнью, только обратившись снова в призрак, в возможность, – она покоряет, наконец, сердце Аратова, – но сердце было восковое и скоро растаяло. Оно боялось красоты в жизни и тем более не вынесло красоты-идеи, красоты-силы... И вот еще раз уходит от людей Красота, невоплощенная и нелюбимая. Уходя, она не уверяет нас в нашем бессмертии, да и зачем оно ей самой, ей, которая любит только солнце, облака и звезды?.. Но когда она уходит, то после нее остается в воздухе тонкий аромат, грудь расширяется и хочется сказать: да, стоит жить и даже страдать, если этим покупается возможность думать о Кларе Милич.

Список сокращений

КО – «Книга отражений».

2КО – «Вторая книга отражений».

Бкс – Бальмонт К. Будем как солнце. В изд.: Бальмонт К. Д. Собрание стихотворений. М., 1904, т. 2.

Блок А. – Блок А. Собрание сочинений: В 8-ми т. М.-Л., 1960–1963.

Вн – Брюсов В. Все напевы. М., 1909 («Пути и перепутья», т. 3).

ГБЛ – Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

Гз – Бальмонт К. Горящие здания. В изд.: Бальмонт К. Д. Собрание стихотворений. М., 1904, т. 2.

ГИАЛО – Государственный Исторический архив Ленинградской области.

ГЛМ – Отдел рукописей Государственного Литературного музея.

ГПБ – Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ГСс – Гиппиус З. Н. Собрание стихов. Кн. 1–2. М., 1904–1910.

ЕИТ – журнал «Ежегодник императорских театров».

ЖМНИ – «Журнал Министерства народного просвещения».

ИРЛИ – Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).

Кл – Анненский И. Ф. Кипарисовый ларец. М., 1910.

Мд – Гоголь Н. В. Мертвые души.

МБ – журнал «Мир божий».

Пн – Достоевский Ф. Н. Преступление к наказанию.

Псс – Майков А. Н. Полное собрание сочинений: В 3-х т. СПб., 1884.

Пк – Сологуб Ф. Пламенный круг. Стихи, книга восьмая, М., 1908.

Пп1-Пп2 – Брюсов В. Я. Пути и перепутья. Собрание стихов, т. I–II. М., 1908.

РБ – журнал «Русское богатство».

Рс 1–3 – «Русские символисты». Вып. 1. М., 1894; вып. 2. М., 1894; вып. 3. М., 1895.

РШ – журнал «Русская школа».

Тл – Бальмонт К. Д. Только любовь. М., 1903.

Тп – Анненский И. Ф. Тихие песни. СПб., 1904.

Уо – Брюсов В. Я. Urbi et orbi. Стихи 1900–1903 гг. М., 1903.

ЦГАЛИ – Центральный Государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГИАР – Центральный Государственный исторический архив СССР (Ленинград).